

Гранкина Е. В.

Преломление феминистских концепций желания, власти и насилия в повести Д. К. Оутс «Черная вода» (Веснік ГрДУ імя Я. Купалы. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2010. – №1 (93). – С. 85-89)

Аннотация: В статье исследуется одна из граней актуальной сегодня в культуре женской темы – преломление феминистских концепций желания, власти и насилия в художественной литературе, в частности, в творчестве известной американской писательницы, классика литературы США Д. К. Оутс, которая обнаруживает определенное противоречие между утверждаемой феминистской критикой самостоятельности женского желания и тем, что переживает женщина в ходе собственной жизненной практики – принятие мужского доминирования и пассивность в сопротивлении ему, ведущие женщину к потере собственного «Я», к переводу себя из субъекта в объект желаний. В статье демонстрируется, как Д. К. Оутс коррелирует понятия «власть» и «насилие» с мужскими стратегиями субъективизации.

Сегодня актуальное звучание приобретает женская тема. Несомненно, современные социокультурные тенденции, связанные с возникновением в белорусском обществе интереса к гендеру, проблемам пола, были инициированы таким явлением, как феминизм. Феминистское движение повлияло на самосознание общества, на политические институты, на изменение «гендерных контрактов», оно открыло табуированные темы и изменило интерпретацию ранее обсуждаемых тем. Современный феминизм выходит на новый уровень, новый этап развития: продолжает исследоваться женская субкультура, изучаются различия между женщинами, переосмысливается положение полов в обществе, укрепляются тенденции в стремлении отказа от оппозиции женское/мужское и принятия бинарности мужского и женского в

культуре.

Теоретической базой феминизма являются не только работы собственно феминистского толка (исследования Э. Сиксу, Л. Иригарэ), но и осмысленные феминистской мыслью идеи философов, не принадлежащих к феминистской идеологической константе. В частности, феминистской литературной критикой была воспринята философская система М. Фуко, который полагал, что половая принадлежность личности запускает действие механизмов власти и насилия, поскольку является объектом контроля и подчинения.

Власть, по Фуко, есть воздействие на индивида, ее назначение – «...знать об индивидах как можно больше для того, чтобы успешнее ими управлять» [1, с.59]. Власть бинарна (господство/подчинение) и проявляется как результат исторически сложившихся культурных практик. Феминистские исследователи обнаружили наличие властных отношений в любом проявлении дискриминации (сексуальные домогательства, насилие в семье, в том числе и супружеское).

М. Фуко различает два основных типа власти: власть как прямое физическое воздействие на тело, предельной формой осуществления которой является метод телесной пытки, и власть как «надзорное» (символическое) насилие над телом, осуществляемая через повседневный опыт контроля над субъективностью.

Насилие – это тип воздействия власти на индивида. Насилие в буквальном смысле означает «применение силы». Важная черта проблемы насилия заключается в том, что оно представляет собой препятствие действиям, желаниям и стремлениям как отдельных личностей, так и групп людей. Если в ранние исторические эпохи (вплоть до Нового времени) преобладало прямое насилие, то сегодня возобладало символическое насилие, когда непосредственное использование силы отсутствует. Скрытое насилие использует в первую очередь психологическое, моральное или идеологическое давление. Эти проявления насилия покушаются на основные права и интересы

личности, её естественные свободы.

Как отмечает О. Воронина, в феминистской критике исследуется распространение политики насилия на женщин и отмечаются оба проявления власти – насилия: прямое физическое (или сексуальное) насилие над женщиной и неявное психологическое давление, осуществляемый обществом контроль над жизнью женщины, ее телом, сексуальностью [2, с. 21].

Исследование механизмов власти и насилия проводит А. Дворкин в статье «Порнография: мужчины обладают женщинами». «Власть мужчины – это первое метафизическое утверждение самости, *Я есть*, которое существует как априори, как базовое основание, как абсолют... Первый догмат идеологии мужского превосходства состоит в том, что мужчины имеют эту самость и что женщинам, по определению, ее не достает» [3, с. 6 - 7].

На формирование теории феминизма большое влияние оказала и концепция желания Ж. Делеза, которая расширила феминистский дискурс размышлениями о самостоятельном характере уникального женского желания и независимости женской субъективности в культуре [4].

В данной статье мы рассмотрим, как указанные феминистские концепции преломляются в художественной литературе, в частности – в творчестве известной американской писательницы Д. К. Оутс.

Повесть Д. К. Оутс «Черная вода» представляет героиню – Келли Келлер, которая старается следовать по пути реализации своих желаний [5]. В центре произведения – история гибели Келли, что явилось следствием знакомства девушки с Сенатором и их совместной автомобильной поездки.

Постулат феминистской теоретической мысли – женщина является не объектом мужского желания, а сама подвержена процедуре субъективизации – в повести нашел художественное воплощение в следующей формуле: «Ты Американская девушка. Ты имеешь право открыто заявлять о *своих* желаниях и

поступать иногда, как тебе вздумается» [5]¹. Символом женской субъективизации является женское желание, не нуждающееся в посредующей фигуре Другого (мужчины). По мнению феминисток, такой подход открыл новые возможности для поиска женской репрезентации в культуре, которые не должны быть связаны с традиционными гендерными стереотипами женского.

Однако для Келли – героини повести – осуществление желаний является причиной деконструкции, аннигиляции личности с последующей физической смертью. Кроме того, автор показывает, что путь реализации желания – это путь следования стереотипам: так как в семье Келли «был культ здоровья, физического совершенства, красоты, всего нормального», то, например, желание Келли избавиться от проблем с кожей лица было обусловлено желанием адекватности понятию «красивая» [5]. А пока она чувствовала несоответствие этому, девушка «избегала появляться в родном доме» [5]. У Келли с рождения было нарушено равновесие между глазными мышцами – девочка страдала косоглазием. Это было предметом беспокойства родителей, «но особенно раздражало (не беспокоило, а *раздражало* – Е. Г.) отца: всякого рода «ненормальности» ужасно действовали ему на нервы» [5]. Определение «нормальная» часто встречается в тексте, причем всегда для характеристики желания Келли соответствовать внешним стандартам. Расставшись со своим любимым Г., Келли потеряла двадцать фунтов, «но теперь она приняла решение стать здоровой, нормальной, и потому заставляла себя регулярно есть» [5].

«Я» Келли находится в подчинении к «он – она – они», поскольку все, что происходит с Келли, маркируется ею как хорошее или плохое с точки зрения Другого, она пытается увидеть себя чужими глазами («это произведет впечатление на Карла...»), «волосы стали гладкими... – мама порадовалась бы», «она кожей чувствовала, что он с нее взгляд не сводит», «Баффи, конечно,

¹ Здесь и далее цитаты текста повести будут приводиться из источника удаленного доступа без указания страниц.

удивится...» [5] и т.д.). Но писательница не показывает, действительно ли Другим (матерью, подругой, любовником) ситуация была оценена таким образом, каким она виделась Келли. Поэтому этот псевдо-внешний взгляд, следуя определению Ж. Бодрийера, можно назвать «взглядом-симулякром» («копией без оригинала»), снимающим функцию рефлексивности с «Я» героини, нивелирующего ценность происходящего для самого субъекта [6].

То, что Келли зависима от мужчин, подчеркивается в повести неоднократно: «если мужчины равнодушно проходили мимо.., словно она была невидимкой, страх ее усиливался: она воспринимала это не только как женское, но и как человеческое поражение» [5]. Отметим, что феномен «невидимой женщины» всегда интересовал Д. К. Оутс. Однако в данном произведении писательница показывает, что причины этой невидимости кроются не в поведении мужчин, не в сознательном игнорировании ими внутреннего наполнения, духовности женщин, а в позиции самих женщин, добровольно избирающих путь зависимости и подчинения. Присутствие рядом мужчины снимает с Келли всякую ответственность за происходящее: «Чего ей бояться – ведь рядом сидел он, один из могущественных людей мира» [5].

В повести Д. К. Оутс использует конструкцию коллективного «мы» (в том числе и через совокупность личностных ассоциаций с «ты», через ориентацию на множественного читателя) для придания опыту Келли статуса универсального и традиционного женского опыта. При описании сцены знакомства Келли с понравившимся ей мужчиной, при передаче эмоционального состояния девушки в этот момент писательница замечает: «Ты знаешь, как это бывает – мгновенный жар взаимного узнавания...», или при рассказе о велосипеде – «ты ездила когда – нибудь на таком? Нет? Тогда попробуй», или «мы всегда боимся рассердить мужчин» [5]. Как определяет феминистская литературная критика, подобные конструкции характерны для женского письма и выявляют особенности женского чтения; писательница как

будто подталкивает читателя к созданию собственного текста, к дешифровке и обнаружению символизаций женской реальности, обычно подавленных и недоступных, и «вписывание» их затем в свою повседневную жизнь [7, с. 156 - 160].

В повести «Черная вода» Д. К. Оутс выявляет противоречие между артикулированной феминистской концепцией женского желания и практикой его воплощения. Желание Келли всегда было направлено на кого-то (в частности, желание стать любовницей Сенатора), поэтому писательницей ставится под сомнение самостоятельность женского желания, его независимость от Другого. Субъект не может быть изолирован от Другого, но ориентация на Другого, добровольное принятие роли жертвы может явиться причиной гибели субъекта, что и происходит в повести «Черная вода» (в чем проявилась приверженность Д. К. Оутс философии экзистенциализма). Писательница показывает, что женское желание всегда находится в подчинении у мужского: «...он совсем потерял голову от желания слиться с ней, и она почувствовала это желание – не свое, а мужское. Так случалось и раньше: целуясь с мужчинами, Келли Келлер всегда чувствовала не свое, а другое – мужское – желание» [5].

Д. К. Оутс представляет классический пример женского дискурса как дискурса признания. М. Фуко, интерпретируя дискурс как телесный феномен, в первую очередь применяет свои выводы к женщине как маргинальному субъекту культуры, репрезентирующимся в ней исключительно через дискурс вины [1]. Женщине, по мнению феминистских исследовательниц, в культуре оставлено одно «привилегированное» место – «место *признающейся* субъективности: по мере того, что говорит признающаяся женщина, по мере того, как ее цензируют и что ей запрещают говорить, формируется весь ряд женских... идентичностей» [7, с.33]. Фуко обращает специальное внимание на то, что дискурс признания в культуре – это всегда дискурс вины и что «идеальной» фигурой воплощения вины в истории является женщина. Кроме

того, одной из основных точек приложения процедуры признания выступает женская сексуальность [1]. В повести «Черная вода» этот постулат выражен следующим образом: «И сейчас... она (Келли) испытывала ...привычную смесь беспокойства и вины: я сделала так, что ты захотел меня, значит, я не могу тебе отказать», т.е. Келли признает себя виновной в том, что вызывает мужское желание, обладает женской сексуальностью [5]. Вину Келли готова принять и за то, что Сенатор сбился с дороги, не справился с управлением, в том, что Келли тонет, погибает под водой, виноват автомобиль, а не Сенатор – Сенатор «друг, он сейчас вернется» [5]. Чувствуя скорую смерть, но все еще не веря в ее возможность, Келли заключает мысленные договоры, напоминающие галлюцинации, принимает любые обязательства, чтобы остаться в живых – «Она готова пойти на сделку: ...она согласна отдать правую ногу, даже обе ноги... она обещает не иметь к ним никаких претензий» [5]. И опять оглядка на Другого: «А вот Арти Келлер (отец героини – Е.Г.) их бы (претензии – Е.Г.) имел предостаточно! – но Келли ему все объяснит, она возьмет вину на себя» [5].

Отношения Келли с родителями и, в частности, с матерью также представляют интерес для феминистского анализа, потому что за этими отношениями скрывается ситуация подавления и подчинения. Писательница не показывает отношения Келли с матерью как очевидно патологические (как это происходит, например, в произведении Д. К. Оутс «Ангел света»). Девушка любит родителей, в последние минуты жизни вспоминает именно их: «Мамочка, папа, послушайте, я люблю вас, не дайте мне умереть...» [5]. И, несмотря на подростковые трения с матерью, для Келли она фигура авторитетная. Девушка, ища поддержки во время аварии, представляет около себя мать; она постоянно вспоминает ее советы и наставления. Но материнский взгляд помешал Келли в жизненно важный момент: «И все же она не решалась произнести вслух «сбились с пути», ведь мама ее предупреждала, что мужчина

не выносит, когда женщина выставляет его дураком, пусть даже она права, а он ее любит» [5]. Внешняя самостоятельность и независимость Келли от родителей остается только внешней, следование так называемой житейской мудрости матери со стороны Келли – это также ориентация на Другого, стремление подавить свою интуицию, заменить свой внутренний голос другим, причем в данном контексте конструкт «другой голос» следует воспринимать не как иной, а как чужой, *не-мой*. И это молчащее «Я» Келли является показательным с точки зрения феминистской критики, т.к. подтверждает положение о том, что женщине в современном мире отводится роль пассивного маргинала, как это изображает Д. К. Оутс. Желание рассказать свою историю («когда-нибудь она переложит этот кошмар в слова, весь ужас заточения в затопленной машине, пребывание на грани смерти, спасение» [5]) – это а priori невыполнимое желание для Келли – женщины, поскольку, во-первых, спасения не будет, а во-вторых, функция женщины – это молчание и следование установленным стереотипам и правилам, постоянное нахождение в системе внутренних запретов и ограничений.

Временами создается впечатление, что Д. К. Оутс, показывая абсолютное подчинение Келли в принятии статуса «отсутствующего субъекта», умышленно доводит ситуацию до абсурда. Первая осмысленная субъективизация героини, осознание себя, наступает только на пороге смерти: текст повести разбивают авторские конструкции – призывы Келли о помощи – «Я здесь! Здесь! Я здесь!» [5].

Повесть «Черная вода» структурирована таким образом, что включает в себя две главы, напрямую не связанные с единым сюжетом, однако имеющие важное идейное значение: это глава о видах смертной казни и глава, в которой перечисляются правила для женщин по уходу за собой. Здесь обращает на себя внимание преобладание в повествовательной манере писательницы элементов официально-делового и публицистического стиля, что определяет особое место

этих глав в тексте, снимая с него возможность художественного вымысла, переводя текст в ранг документальной прозы. Правила для женщин вписаны в повесть для ранжирования женской аксиологии, для обозначения уровня женских притязаний и приоритетов, какими они выстраиваются самими женщинами: «ОСТОРОЖНО: ультрафиолетовые лучи, купание в соленой воде и неумеренное пользование феном портят КРАСИВЫЕ ВОЛОСЫ. ОСТОРОЖНО: более 100 000 американских женщин заражены вирусом СПИДа. ОСТОРОЖНО: духи... могут испортить одежду из шелковых или ацетатных тканей» [5]. Д. К. Оутс сознательно усугубляет рассказ о женской зависимости определением реальности женщин кругом бытовых проблем.

Насилие как составляющая власти обнаруживается Д. К. Оутс и в политике, и в сексуальных отношениях и – по аналогии – подавление, насилие политическое приравнивается к сексуальному. Писательница не кодирует данное положение, не прячет в подтекст. Для нее важно акцентировать эту проблему, для чего она избирает путь прямой формулировки: «Политика – упоение властью. Эрос – упоение властью» [5].

Два основных типа осуществления власти находим в повести «Черная вода»: власть как физическое воздействие и власть как «надзорное» (символическое) насилие над телом. Как отмечалось, апогей физического насилия – телесная пытка или казнь, чему в тексте посвящена отдельная глава. Власть как «надзорное» связано со спецификой отношений мужчина/женщина, с мужским подавлением женской субъективности, в чем, как полагает писательница, вина женщины, поскольку она сама утверждает идеологию мужской доминации, добровольно исключая себя из метафизической ситуации власти.

Повесть «Черная вода» – это история подавления женщины, подчинения женщины и неравноправия женщины и мужчины: «Мы всегда боимся рассердить мужчин» [5]. Однако констатация уравнивания в правах обоих полов в

повести присутствует. В главе о видах смертной казни. Единственная категория людей, которая освобождена от проблемы гендерного неравенства, для которых снята оппозиция мужского и женского, – это осужденные: «Приговоренного к смерти (мужчину или женщину) привязывают к стулу... Всегда существует опасность приговорить к смертной казни невинного (мужчину или женщину)» [5].

Представляется, что изображение физического типа власти было введено в произведение Д. К. Оутс с целью доказать, что «надзорное» (символическое) насилие (власть) над женским телом на практике оказывается не менее жестоким, чем прямое физическое насилие.

Олицетворение власти в повести – Сенатор, мужчина, политик. Оппозиция Сенатор/Келли не представлена автором как противопоставление собирательного – Сенатор (без имени) и конкретного – Келли. Собственное, индивидуальное снимается писательницей с имени Келли в эпиграфе повести: «Всем Келли этого мира...», олицетворяя в этом образе всю совокупность женского опыта, переводя личный опыт Келли в универсальный опыт женского бытия. Сенатор выступает воплощением власти как таковой – безымянной власти, власти вообще, у Келли «язык не поворачивался» назвать его по имени именно потому, что он являл собой ту силу, которая вызывает страх и трепет [5]. Суть всякой политической деятельности писательница определяет словами Адамса: «Существо политики есть систематическая организация ненависти» [5]. Это то, что кроится за улыбчивой внешностью Сенатора и за его гуманными обещаниями. Но вместе с тем, глава о смертной казни, проводимой «ради спокойствия американских граждан, чтобы преднамеренное убийство, санкционированное государством, не тревожило их совесть», подчеркивает посыл феминистских последовательниц о том, что власть – это не только средство воздействия, власть – это средство насилия [5].

Таким образом, позиция феминисток, которые вслед за Фуко определяют

современную культуру как исполненную женского послушания, рациональных форм господства, нашла отражение в повести Д. К. Оутс «Черная вода». Власть (Сенатор) подавляет Келли физически (во время аварии спасает свою жизнь за счет жизни Келли) и символически (Келли не смогла сказать Сенатору, что они сбились с пути, не потребовала, чтобы они вернулись назад и поехали другой дорогой). Д. К. Оутс подчеркивает, что добровольное согласие женщин на подавление со стороны мужчин, непротивление властным стратегиям манипуляции женской субъективностью, может привести к гибели, может быть смертельным. Однако и в этой пограничной ситуации женская независимость воплощается в то, что женщина становится независимой даже от собственного инстинкта самосохранения: в то время как Сенатор «цеплялся, царапался, яростно брыкаясь, рвался наружу из опрокинувшейся машины», Келли лишь успокаивала себя тем, что «ей все-таки повезло, что она здесь, и ничего плохого с ней не случится, как с любой принцессой из волшебной сказки, в которую она недавно попала» [5]. Горькая ирония писательницы звучит в том, что Сенатор и Келли познакомились 4 июля на вечеринке, посвященной Дню Независимости. Но именно этот день стал последним в жизни Келли, днем полной, тотальной, смертельной зависимости от Сенатора.

В данном случае под смертью понимается не только физическое состояние, но и психологическая зависимость от Другого: от матери, от друзей, от общественного мнения. Эпиграф «Всем Келли этого мира...», использование в тексте повести конструкции коллективного женского «мы» сообщает универсальность данному образу действий, дает возможность говорить о «синдроме Келли» как о синдроме фатального подчинения механизмам власти и неизбежности данного подчинения.

Своеобразие преломления феминистских концепций желания, власти и насилия в повести Д. К. Оутс «Черная вода» заключается в том, что она акцентирует внимание на зависимости женского желания от мужского,

коррелируя понятие власти и насилия с мужскими стратегиями субъективизации. Принятие мужского доминирования и пассивность в сопротивлении ему ведет женщину к потере собственного «Я», к переводу себя из субъекта в объект желаний. Но зависимость, против которой выступает писательница, это не только зависимость от мужчины, но и от матери, семьи, коллег, общества, другими словами, женщины должны иметь смелость «взять власть над своими жизнями в свои руки» [7, с. 158]. Несмотря на драматичный финал произведения, идея, заложенная в нем, конструктивна и одинакова прилагается как к женской, так и к мужской экзистенции: невозможно реализовать себя, осуществить свои желания путем принятия чужого опыта, через зависимость и ориентацию на Другого. В большей степени писательницу волнует не выступление *против* зависимости, а *за* – за свободу личности, за осознание самоценности, за поиски и нахождение себя, своего «Я», своей идентичности. Утверждение уникальности своего жизненного опыта и своих желаний, сопротивление любым властным стратегиям, разумное и гармоничное сосуществование в едином пространстве Я и Другого – идеальная модель психологического мира Д. К. Оутс.

Список цитируемых источников:

1. Фуко, М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / М. Фуко. – М.: Ad Marginem, 1999. – С. 3-90.
2. Воронина, О. А. Универсализм и релятивизм культуры в конструировании гендерной системы / О. А. Воронина// Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций / Под общ. ред. О. А. Ворониной. – М.: МЦГИ- МВШСЭН- МФФ, 2001. – С. 7-19.
3. Дворкин, А. Порнография: мужчины обладают женщинами / А. Дворкин //Гендерные исследования. – 2000. – № 4, С. 6-17.
4. Делез, Ж. Логика смысла / Ж. Делез. – М., Екатеринбург: Раритет:

Деловая книга, 1998. – 480 с.

5. Киевская городская библиотека [Электронный ресурс] / Оутс, Д. К. Черная вода: Повесть/ Пер. с англ., 1997. – Режим доступа: <http://lib.misto.kiev.ua/INPROZ/OUTS/woda.txt>. – Дата доступа: 20.05.2009.
6. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр // Философия эпохи постмодерна. Сб. переводов и рефератов. – Минск, 1996. – 230 с.
7. Жеребкина, И. «Прочти мое желание...». Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм. / И. Жеребкина. - М.: Идея – Пресс, 2000. – 256 с.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ